ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ

Жизнь графа Каспара Штернберга, описанная им самим (*Продолжение*)[1]

К.М. фон Штернберг

1826

Более, чем мне хотелось, я оказался втянутым в дела, которые удерживали меня в городе или тянули меня далеко, так что в лучшее время года я мог наслаждаться жизнью на природе лишь короткие промежутки времени. После смерти графа Малабайла Канале, который до своего 84-летия все с той же энергией занимал место Президента Экономического общества в Королевстве Богемия, я был избран Президентом этого общества и смог устроить так, чтобы расширить круг его деятельности путем привлечения новых активных членов.

Музейный комитет решил издавать вместо «Трудов» «Ежемесячник Музейного общества» и для этой цели поставил прославившегося своими историческими работами Г. Палацкого его редактором; я тоже принял в этом участие и для первого выпуска представил сочинение о ввозе картофеля в Европу.

Издание бразильских натуралий потребовало моего присутствия в Вене, чтобы прийти к соглашению с д-ром Полем, хранителем (Custos) Бразильского музея, и наладить все необходимое для публикации новых или редких растений Бразилии. Едва я вернулся назад, как из Веймара в Прагу прибыл Великий герцог и пригласил меня снова в Веймар: однако в этом году это было невозможно, поскольку мне пришлось поехать прямо в Карлсбад из-за болезни печени и на дальнейшее у меня были другие планы.

А именно: в течение многих лет в Лейпциге, Франкфурте-на-Майне и Вюрцбурге проходили собрания немецких естествоиспытателей, чьи труды были напечатаны в журнале «Изида» (Окена). Полезность этого учреждения для быстрого распространения новых открытий и наблюдений, для установления личных связей среди врачей и естествоиспытателей, и для устранения недружественных трений при различии взглядов была очевидной; можно было ожидать, что когда правительства, которые показали себя до тех пор лишь толерантными, захотят выступить действительно охранительным и покровительствующим образом, то эти объединения в очень многих отношениях должны будут в высокой степени способствовать изучению естественной истории. Добиться этого казалось мне своевременным предприятием: но до того, как я высказался об этом, я посчитал целесообразным лично поприсутствовать на одном из таких собраний; для этого представилась удачнейшая возможность, ибо в этом году собрание имело место в близком Дрездене. 17-го сентября я прибыл туда: на первом заседании я встретил сразу многих знакомых, благодаря чьему дружескому расположению я очень скоро приобрел много новых, очень ценных знакомств. Было сделано много важных докладов; оба принца, Фридрих и Иоанн, посещали заседания; правительство приняло участие в этом проявлении духа. В одном курортном местечке Обществу был организован загородный праздник, включавший поездку на корабле по Эльбе, на котором председательствовал почтенный министр граф Ностиц. Все присутствовавшие пребывали в восхищении, дух общности в чистейших намерениях говорил в пользу изучения природы, что меня сильно обрадовало. Первый шаг к осуществлению моего тайного желания был сделан; и все же мне казалось необходимым для объединения всей Германии, чтобы Берлин и Вена также присоединились к этому союзу. Все же я ограничился вначале тем, что сообщил в Вену о том, что наблюдал в Дрездене, и завершил год в Бржезине, где находился в этом году лишь очень короткое время.

[1] Начало см. в: Lethaea rossica. – Т. 7. – С. 59–63; Т. 8. – С. 53–61; Т. 9. – С. 68–78; Т. 10. – С. 74–84; Т. 12. – С. 113–125; Т. 13. – С. 104–111; Т. 14. – С. 140–151; Т. 15. – С. 113–125.

1827

В Праге было образовано акционерное общество для строительства железной дороги от Праги до Пльзеня. Цель была, разумеется, очень хорошей: ибо в Пльзене соединяются многие главные дороги Германии, тамошние рынки дают приличные фрахты, которые еще бы значительно выросли из-за низких транспортных расходов. Вдоль этой железной дороги находятся многие каменоломни и леса, которые могут доставлять свою древесину в столицу, затем сталелитейные и купоросно-масляные фабрики и т.д. Долгий мир и невозмутимое спокойствие народов, долгая продолжительность которых была обещана, ввели в заблуждение многих дольщиков, рассматривавших сбор необходимых фондов как очень легкое дело. Они избрали меня Президентом этого общества. Поскольку я признавал это предприятие действительно полезным для страны и в особенности для столицы, я со слабой сангвинической надеждой все же посчитал своей обязанностью занять этот пост и потому связался с новыми деловыми кругами, размер которых я неверно оценил.

Поскольку теперь я меньше жил в Бржезине, я захотел хотя бы подготовить там будущее место для своего погребения. Я распорядился построить на одном из холмов, который я мог видеть из своих окон, рядом с кладбищем прихода Ступно, к которому относится Бржезина, склеп и капеллу над ним с перистилем в ионийском ордере, посадить вокруг все виды сосен, которые растут на этой широте, тую и можжевельник, большую часть которых я собственноручно вырастил из семян, и поставить в нишу над моим саркофагом древний *Lepidodendron*. По нему будут узнавать мою могилу естествоиспытатели.

Чтобы исполнить мой план, составленный в прошлом году, привезти Общество испытателей природы из Мюнхена, где оно должно было собраться в этот раз, в Берлин, уже в мае месяце я предпринял поездку, с которой я, как обычно, связывал многие цели. Я начал с Байройта, где меня особенно привлекала коллекция окаменелостей графа Мюнстера[2]. Она принадлежит к самым замечательным из известных на сегодня и упорядочена в кабинетах по формациям, благодаря чему, однако, нарушен обзор родов. И все

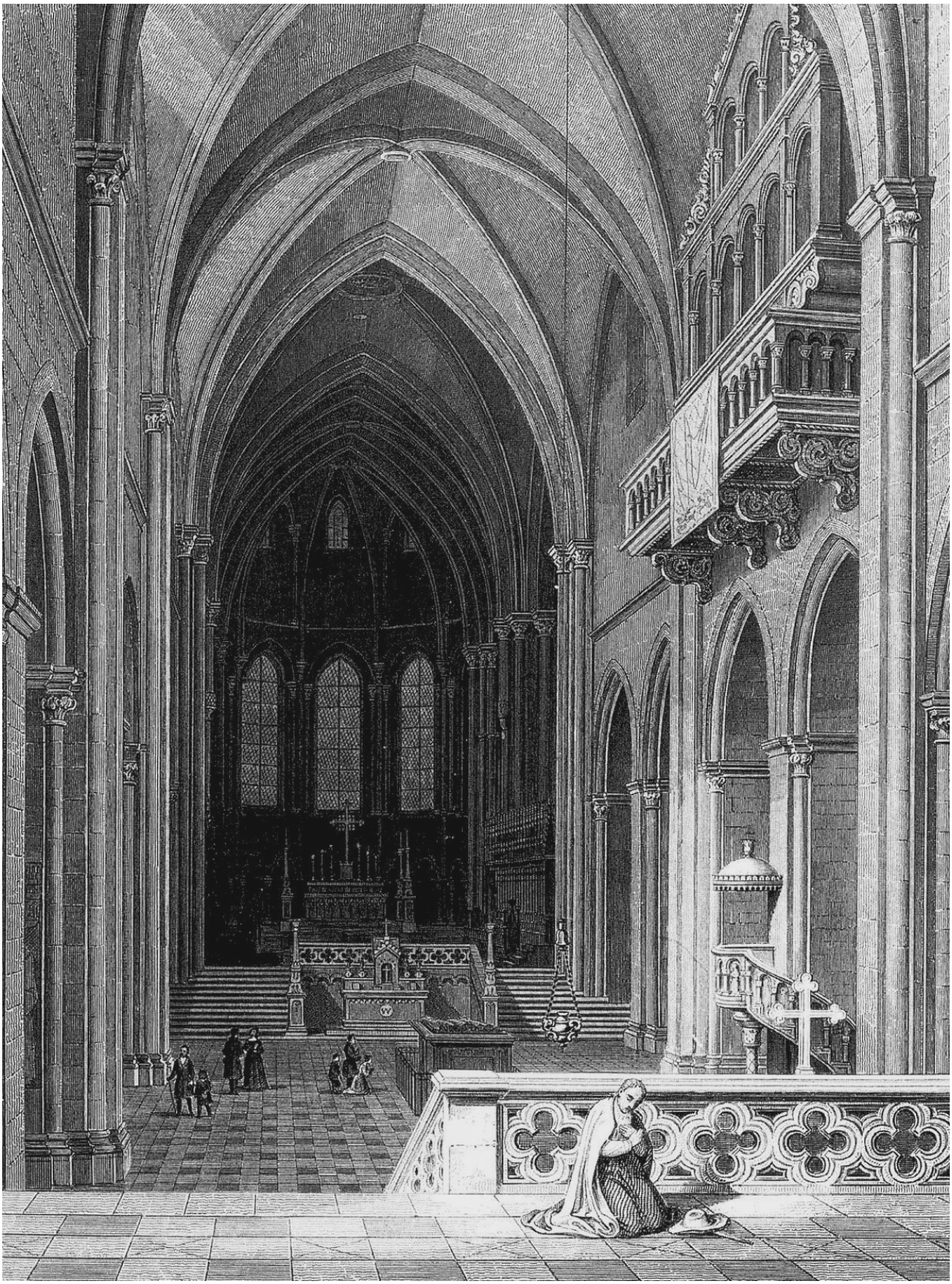
Йозеф Мария барон фон Фраунберг

же в геогностическом плане достигается то преимущество, что есть возможность познакомиться точнее с окаменелостями каждой формации. Владелец, хорошо знакомый со своей коллекцией, способен дать отчет о каждом экземпляре, причем его мнение переходит в поучительную беседу. Я нашел здесь много старых знакомых из времен, когда жил еще в Регенсбурге. Воспоминания о давно прошедших событиях, которые возвращают человека в годы его юности, делают почти каждого «хвалящим прошлые дела», поскольку человек проживает годы молодости обычно веселее, чем старость, и мы хотим, возможно, найти еще больше оснований для этого.

В Бамберге я вкушал удовольствие жить у моего старинного друга барона Фраунберга[3], в то время архиепископа Бамберга; госпожа фон Лёв, бывшая недалеко с визитом у одной своей подруги, также присоединилась к нам. Мы поднялись к Альтенбургу, где, по мнению Раумера, Оттон фон Виттельсбах убил императора Филиппа. С этой высоты можно наслаждаться совершенно замечательным видом на прибрежные районы Майна и Регница; старая крепость Гих на далеких горах украшает картину природы. Почтенный собор Бамберга, построенный в 1004–1010 годах королем Генрихом и Кунигундой, чья могила здесь еще сохранилась, был почти полно-

[2] *Георг Мюнстер, граф* (1776–1844) – немецкий палеонтолог. Его коллекция ископаемых стала ядром собрания Баварского музея палеонтологии и исторической геологии в Мюнхене. Многие ископаемые растения из этой коллекции были описаны К.М. Штернбергом в его «Флоре Древнего мира» (*Ред.*).

[3] *Йозеф Мария барон фон Фраунберг* (1768–1842) – архиепископ Бамберга, почетный член Баварской Академии наук (*Ред.*).



Внутреннее пространство собора Бамберга, 1837 г.

Фридрих Шиллер читает свои стихи в Тифурском парке,
справа видны фигуры Гёте и Великого герцога

стью переделан из-за вандализма секуляризации: нынешний король[4], который умеет ценить искусство и древность, распорядился вернуть его снова в прежний вид. О древнейших переселениях славян, или вендов, в диоцезы Вюрцбурга и Бамберга в здешнем архиве, как я узнал, не сохранилось никаких сведений. Указатель вендских приходов в Вюрцбургских хрониках, по-видимому, неверно использует названия; в некоторых деревнях встречаются отклоняющиеся от местных обычаев костюмы у женского населения, которые приближаются к таковым славян Каринтии и Иллирии. Директор здешней коллекции натуралий Г. Линднер, ранее монах в Банце, который выставил ее на свои средства, приумножил и сохранил, заслуживает всеобщего признания и благодарности. Даже если она упорядочена не строго научным образом, то все же там имеется много редкостей и то, что требуется, легко находится, а это все-таки является главным. Тот, кто хочет познакомиться с лейасской формацией и ее чудесными окаменелостями, не должен миновать Банц и его окрестности. Подобная монографическая коллекция из одной формации, как собрание принца Биркенфельда, вряд ли найдется где-либо еще. Она столь прекрасна, столь общеизвестна и покрыта славой, что мне не нужно ничего больше об этом говорить.

В Кобурге я задержался лишь на короткое время, чтобы увидеться с некоторыми друзьями и знакомыми, и заспешил, преследуемый дождем, через Готу в *Веймар*. Когда я туда добрался, Великий герцог, который меня туда пригласил, уже уехал в Теплиц; но он вменил в обязанность Великой герцогине принимать меня при дворе. Но как бы ни было теперь приятно мое жилище у входа в парк, но все же эта привилегия была мне не совсем удобна, поскольку немного осложняла мое общение с Гёте. Также я должен был с благодарностью узнавать гостеприимный прием как

[4] *Людвиг I Баварский* (1786–1868) – король Баварии с 1825 по 1848 годы (*Ред.*).

со стороны Великой герцогини, так и Наследной великой герцогини: но все же нашлась возможность ежедневно проводить несколько часов с моим почтенным другом и предпринимать прогулочные поездки. Я сообщил ему свой план по поводу собрания естествоиспытателей: он поддержал мои намерения и, право, очень воодушевил меня организовать в самом широком смысле более близкие ученые связи между Северной и Южной Германией. Однажды мы поехали вместе в Тифурт, замок развлечений и сад герцогини Амалии, матери Великого герцога, где Гёте провел свои молодые годы в обществе Виланда, Гердера, позднее также Шиллера и т.д. Эти теперь 50-летние деревья посадил господин фон Кнебель, его старейший друг; картины старых времен пронеслись в его душе: здесь сидел Виланд, там Гердер читал статью, там была поставлена пьеса Гёте; время омолодилось вокруг него, он произносил с теплотой прекрасные слова; я никогда не забуду эти часы. На следующее утро он прислал мне новейшую книжку по искусству и древности со следующей надписью:

Когда с толпой юнцов
Идем дорогою цветов,
Прекрасен мир реальный слишком:
Но если в зрелые года
Муж благородный к нам приходит,
Как славен этот мир!

В Веймар приехал Маттиссон. После того как мы вместе отобедали в Бельведере, вечером сошлись у Гёте на приеме, где собрались многие дамы, мадам Шопенгауэр, канцлер Мюллер, советник медицины Фрорип и т.д., и остроумная невестка Гёте, как хозяйка дома, успешно поддерживала разговор постоянно оживленным тоном; Гёте уходил и приходил, не позволяя себя окружить. Пользуясь удобным случаем, я посетил библиотеку, где Гёте удивил меня тем, что показал мне свою сокровищницу, а затем повел меня в свой дом в парке, который подарил ему Великий герцог. Он стоит в прелестной местности, обставлен внутри просто, но удобно, и снаружи полностью закрыт *Rosa turbinata*, которые выросли до крыши, так что живет Гёте, собственно говоря, в середине розового куста. Сюда он иногда удаляется совсем один, чтобы без помех заниматься своими исследованиями.

Время торопило, пришлось расстаться. Еще раз я посетил Великую герцогиню, которая уехала в Дорнберг; там я снова увидел фрейлину графиню Амалию Эглофштайн, которую вместе с ее тетей знал еще раньше по Карлсбаду, весьма образованную любезную даму и прекрасную художницу. В ее студии я видел многие ее картины

Вильгельм Готтлиб Тилезиус фон Тиленау

и портрет Великой герцогини, которую она тонко и удачно изобразила по памяти. Проезжая на лошадях мимо, я посетил своих хороших знакомых в Йене и поехал в Кёстриц, где было найдено множество ископаемых костей, многие из которых описал барон фон Шлотгейм. Д-р Шоттин, сам окружной врач, показал мне свою удивительную коллекцию из них и сопроводил меня к гипсовым каменоломням, где большая часть их была обнаружена. Лежащие здесь рядом или друг на друге кости древних гиен, слонов, бесчисленные рога какого-то небольшого вида копытных, встречающихся и сейчас лис, мышей, кротов и т.д. и человеческие кости находятся, очевидно, не на своем исходном месте захоронения, а перенесены сюда. Частью они заключены в красного цвета брекчии, смешанные с гипсом и известняком, и прилипают к языку. Жаль, что эти каменоломни большей частью обрушились, так что едва ли возможно добыть из них нечто целое.

В Лейпциге я посетил, прежде всего, Тилезиуса[5], который совершил кругосветное путешествие с адмиралом Крузенштерном, и проф. Швегрихена[6] в ботаническом саду, который бо-

[5] *Вильгельм Готтлиб Тилезиус фон Тиленау* (1769–1857) – немецкий естествоиспытатель и врач, художник и гравер (*Ред.*).

[6] *Христиан Фридрих Швегрихен* (1775–1853) – немецкий ботаник, директор Ботанического сада Лейпцигского университета (*Ред.*).

Эрнст Фридрих Гермар

гат растениями и хорошо ухожен. Укрепления вокруг города, которые я видел в 1793 году заложенными бургомистром Миллером, прекрасно сохранились, что едва ли можно было ожидать после «Битвы народов» 1813 года. Одного этого примера было бы достаточно, чтобы охарактеризовать наше столетие выгодным образом. В ранее Райхенбахском, а теперь Герхардском саду стоит небольшой монумент в честь князя Понятовского, который здесь утонул и тело его было временно положено в Краковском соборе в гробнице Яна Собеского. Я вспоминаю время, когда видел его в расцвете его юности при императоре Иосифе, в австрийском мундире, – какой ряд событий, выпавших на мою жизнь, между тем, лежит здесь!

Август Герман Нимейер

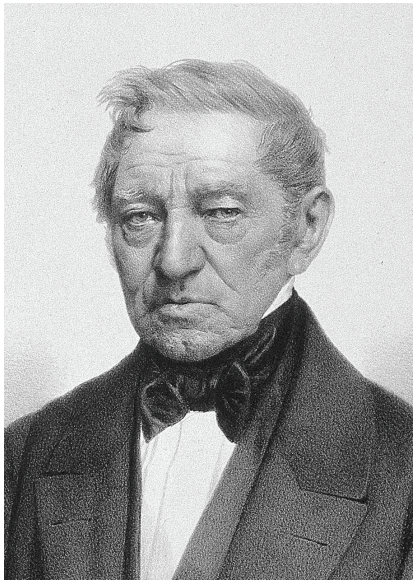
В Галле я был по-дружески принят проф. Гермаром[7] и фон Кеферштейном[8] и сразу же в первый вечер приглашен на пикник 20 профессоров, на котором председательствовал высокочтимый Нимейер[9], – желанная возможность быстро со всеми познакомиться. В минералогическом отделении университетских коллекций, под руководством проф. Гермара, я обнаружил многие редкие отпечатки из окрестностей Веттина и Лебегина, среди прочего один *Lepidodendron* из мертвого лежня, благодаря чему и без того особенная каменноугольная формация стала мне еще интересней. С г-ном фон Кеферштайном, чья многочисленная, лично составленная коллекция окаменелостей заслуживает особого упоминания, я предпринял небольшую экскурсию в долину Зале, а на следующее утро – более длительную, с проф. Гермаром, вдоль порфировой формации на Зале в сторону Веттина в область развития каменноугольных пород. Уголь здесь, кажется, совершенно определенно подчинен красному песчанику и сопровождается порфиром, как и уголь в Западной Богемии, только здесь он гораздо обильней. В канцелярии горного отдела и здесь нашлись многочисленные и полностью сохранившиеся отпечатки, особенно папоротников. На обратном пути мы посетили сложенную порфиром вершину Петерсберг и руины построенного в 1625 году аббатства Св. Кириака. С этой вершины открывается настоящая панорама: Броккен приобретает на этой необозримой поверхности облик высокой горы; только на западе зрительный круг ограничен горами Гарца. У горного старшины из Фельдхайма, где я нашел возможность свести знакомство и с главным горным старшиной Герхардом, мне встретились на геогностических картах и в минералогической кол-

[7] *Эрнст Фридрих Гермар* (1786–1853) – немецкий минералог и энтомолог (*Ред*.).

[8] *Христиан Кеферштейн* (1784–1866) – немецкий геолог и этнограф (*Ред*.).

[9] *Август Герман Нимейер* (1754–1828) – немецкий богослов, поэт и ученый-педагог, ректор Университета Галле (*Ред*.).

Курт Поликарп Йоахим Шпренгель



Мартин Генрих Карл Лихтенштейн

Карл Сигизмунд Франц фон Альтенштейн

лекции наилучшие участки, позволяющие точнее познакомиться с пройденной формацией в ее отношениях[10]. Коллекция древних растений проф. Каульфуса[11], который, к сожалению, слишком рано был оторван от науки, доставила мне немало удовольствия. Проф. Шпренгеля[12] я не нашел в саду, но имел возможность познакомиться с ним на вечернем приеме.

Приехав в *Берлин*, который был изначальной целью моей поездки, я немедленно постарался осуществить свое намерение. Прежде всего я поговорил с бароном Александром фон Гумбольдтом, с которым уже давно познакомился в Париже, с бароном Леопольдом фон Бухом, проф. Лихтенштейном[13] и др., и поскольку я везде был удостоен благосклонного внимания, я высказал министру фон Альтенштейну[14] пожелание, чтобы некоторые естествоиспытатели из Прусского ко-

Леопольд фон Бух

[10] Имеется в виду: в отношениях с другими формациями (*Ред.*).

[11] *Георг Фридрих Каульфус* (1786–1830) – немецкий ботаник (*Ред.*).

[12] *Курт Поликарп Йоахим Шпренгель* (1766–1833) – немецкий ботаник и врач, филолог и историк науки, директор Ботанического сада в Галле (*Ред.*).

[13] *Мартин Генрих Карл Лихтенштейн* (1780–1857) – немецкий врач и зоолог. Был инициатором создания и первым директором Берлинского зоопарка (*Ред.*).

[14] *Карл Сигизмунд Франц барон фон Альтенштейн* (1770–1840) – прусский политик, глава Министерства культуры, образования и медицины Прусского королевства (*Ред.*).

ролевства были посланы в Мюнхен на собрание этого года, чтобы ускорить объединение естествоиспытателей Южной и Северной Германии и проложить мне дорогу к присоединению и Восточной [Германии]: в том случае, конечно, если Его Величеству Королю будет угодно, Берлин будет избран местом будущих собраний. Министр с обычной для него проницательностью мгновенно понял существенные преимущества, которые могут произойти для естественных наук из такого общего сотрудничества, и взялся доложить об этом королю[15], который уделял этим наукам и без того особое свое внимание. Теперь я был совершенно спокоен и посвятил остававшееся еще время, чтобы ближе познакомиться с Берлином, который посещал впервые. Будучи приглашен на заседание Королевской Академии, в которую были введены в качестве членов историк Раумер и недавно вернувшийся из Египта проф. Эренберг, я прослушал многие важные доклады. Как и несколько дней спустя на Ежегодном заседании садового общества в Шёнфельде. Живой интерес к искусствам и наукам правит в Берлине; он обнаруживается не только в публичных учреждениях, он вообще распространен. Садовая и цветочная культура, несмотря на малополезную почву, находится на высоте. Его Величество Король сам владеет на своем Павлиньем острове в Потсдаме одной из самых богатых коллекций роз и георгинов и живой зоологической коллекцией в разных отделах Зверинца. Коллекции Академии очень богаты; большей частью своего прироста они обязаны деятельности работающих в этом направлении членов [Академии], прежде всего д-ру Лихтенштейну, который добился очень большого прироста коллекций без значительных расходов с помощью проведенных обменов и продажи дубликатов. Ботанический сад также богато оснащен и кажется еще значительно бóльшим, поскольку все растения содержатся в одном просторном месте. Благодаря своим повторным поездкам в Лондон и Париж, инспектор сада Отто[16] достал много новых растений. Во время поездок по окрестностям он доставил мне особое наслаждение визитом в Сан-Суси, увеселительный замок Фридриха II; он сохранен неизменным в том виде, каким он был при смерти Фридриха. В моей самой ранней юности я слышал так много о «старом Фрице», что меня интересовала каждая мелочь. В библиотеке находятся многие его опубликованные стихи на французском с довольно дерзкими полемическими заметками на полях, сделанными рукой Вольтера. Фридрих и Мария Терезия жили в то время, возвышаясь над которым, они могли без шума творить великое. Plurimum interest, in qua quis tempora inciderit[17].

На обратном пути в Дрездене я нашел письмо, содержавшее весть, что самая младшая дочь моего двоюродного брата, графа Франца Штернберга, слегла от смертельной болезни. Я тотчас же отправился в путь, проехал ночью через Теплиц и, поскольку не нашел там никакого письма, заторопился в Прагу. Великий герцог Веймарский, который был в Теплице, обиделся на меня, утверждая, что будто бы я не захотел там остановиться, поскольку он не дождался меня в Веймаре. Хотя мы снова пришли к согласию благодаря переписке, все же мне жаль, что я больше не смог увидеться с ним до его кончины. Моя же кузина Франциска снова выздоровела.

Я задержался в Бржезине лишь на короткое время, посетил министра графа Коловрата в Майерхофене, князя Меттерниха и графа Мерси в Кенигсварте и поехал через Регенсбург в Ирльбах к графу де Брэ, чтобы с ним отправиться в Мюнхен на собрание естествоиспытателей. За мной последовали друг Феликс и проф. Хорншух из Грайфсвальда, который принес мне новость, что действительно естествоиспытатели из многих королевских прусских университетов были посланы в Мюнхен. Я уехал в хорошем настроении, и когда я при открытии собрания вступил в зал и увидел барона Леопольда фон Буха, Лихтенштейна, Гейне, Неса фон Эзенбека и многих других знакомых из Берлина и Бреслау, я был полностью удовлетворен. На третьем заседании были действительно per unanimia[18] избраны Берлин – местом собрания, барон Александр фон Гумбольдт – президентом, проф. Лихтенштейн – секретарем на следующий год. На заседаниях было зачитано много докладов, и один от меня об ископаемых костях Кёстрица, который был напечатан в «Изиде»[19] вместе со всеми другими. Заседания посетили министры Арманнсберг и Лентнер. 23 сентября король распорядился пригласить еще не разъехавшихся участников

[15] *Фридрих Вильгельм III* (1770–1840) – король Пруссии в 1797–1840 годах (*Ред.*).

[16] *Кристоф Фридрих Отто* (1783–1856) – немецкий ботаник, куратор Ботанического сада Берлина (*Ред.*).

[17] Интереснее всего то, что выпадает на чье-то время (*лат.*).

[18] Единодушно (*лат.*).

[19] *Sternberg C., Graf von.* Über die fossilen Knochen zu Köstritz // Isis. – 1828. – Bd 21. – S. 481–486 (*Ред.*).

за маршальский стол[20]. Они, числом 114, собрались, председательствовал гофмаршал барон Гумпенберг. После застолья в зал сошел король и с величайшей приветливостью говорил с большинством иностранных естествоиспытателей.

Вместе с Хорншухом и Феликсом я вернулся назад в Регенсбург и предпринял с ними экскурсию на юрские сланцы у Кельхайма, чтобы заполучить отпечатки рыб, и в Ной-Кельхайм в самые большие каменоломни, откуда король берет наибольшее количество камня для своих построек; вторую [экскурсию] – в окрестности Штауфа, где кончается юрская формация и начинаются древнейшие породы, прорванные одним единственным порфиром, на «спине» которого король решил возвести свою «Вальхаллу»[21]. Проф. Хорншух сопроводил меня в Бржезину и Прагу, где мы наконец расстались. Объединение Северной и Южной Германии состоялось; таковое с Восточной [Германией] должно было произойти, как я надеялся, в ближайшие годы.

1828

Постоянно занимаясь моим планом, уже в апреле я поехал в Вену, где мне все равно было нужно кое-что достать для издания о бразильских растениях, и воспользовался этой возможностью оказать подготовительное влияние, чтобы некоторые естествоиспытатели из австрийских земель были посланы в Берлин, благодаря чему выбор места для будущего года, безусловно, пал бы на Вену. Александр фон Гумбольдт позднее прибыл в Прагу во время своей поездки в Обржисти, чтобы осмотреть коллекцию этрусских ваз в наследстве генерала Коллера, которую король Пруссии затем действительно купил. Я последовал за Гумбольдтом в Теплиц, чтобы обсудить с ним необходимые предметы о собрании в Берлине и вероятном участии, которое австрийские естествоиспытатели приняли бы в нем. Затем я поспешил в Бржезину, где я ожидал графа де Брэ, г-жу фон Лёв с ее дочерью и

Король Людвиг I Баварский

друга Феликса. К моей большой радости все они также прибыли в назначенный день: но вряд ли мы провели вместе и несколько счастливых дней, как у меня началось рожистое воспаление кожи на обеих ногах. Очень удрученный этим неприятным случаем, я попросил своих гостей уехать в Прагу, куда они и без того хотели съездить на несколько дней, в надежде быть в силах снова забрать их через короткое время. Желая скорого выздоровления, я позволил уговорить себя использовать средство для избавления от

[20] В условиях тогдашнего сословного общества для гостей, которые из-за своего социального положения не могли сидеть за одним столом с коронованными особами, при дворе устраивалась трапеза за так называемым *маршальским столом* (Marschallstafel), где роль хозяина исполнял гофмаршал или другой высокопоставленный придворный (*Ред.*).

[21] Зал славы выдающихся исторических личностей, принадлежащих к германской культуре, построенный в виде античного храма. Заложен королем Людвигом I Баварским (*Ред.*).

рожи: и она действительно прошла за 48 часов. Но на ее место пришла весьма жестокая лихорадка, которая оставила мне как раз столько сил, чтобы с другом Феликсом, который остался со мной, броситься в повозку и поехать в Прагу искать врачебной помощи. В течение трех месяцев менялись всевозможные формы лихорадки, которая переходила из желудочной в трех-, четырехдневную и ежедневную лихорадку. Все специфические средства от лихорадки, хина во всех формах, хинин, *Quassia* не оказывали никакого иного действия, кроме того, что изменяли ее форму и в основном на более опасную; в конце победила моя не так легко разрушимая натура. Собрание естествоиспытателей оказало мне честь сообщением о моей болезни: но то, что я готовил, осталось неисполненным. Г-жа фон Лёв долго колебалась, но не смогла дождаться окончания болезни. Моя семья, которая выказала мне много любви, также должна была оставить меня, поскольку вторая дочь Эрвина заключила помолвку с графом Валлисом. Остались моя кузина Луиза, которая ухаживала за мной как сестра, и преданный друг Феликс; и тут, поскольку мои духовные силы опережали физические, он одолжил мне свои, чтобы читать мне, снова заняться моей перепиской и помочь мне там, куда не доставала моя память. Лишь при наступлении тяжелой зимы он вернулся назад в Регенсбург, когда я уже был в состоянии заниматься некоторыми делами. За эту верность я буду ему вечно благодарен.

(*Продолжение следует*)